

Научная статья
УДК 321
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-2-20-41
EDN USBQIH

**Турбулентное «Тридцатилетие» России (1989–2019):
темы для размышлений**

Владимир Ильич Пештиев

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
keu08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6356-7651>

Аннотация. Россия 1989–2019 гг. – поучительная эпоха, вобравшая в себя трагедию распада Советского Союза, неоднозначные социально-экономические преобразования и возрождение суверенитета страны-цивилизации. Эпоха турбулентная по всем критериям и сферам анализа (экономика, политика, идеология, культура, менталитет). Авторский поиск сосредоточен на выявлении опорных точек взаимодействия (со знаками плюс и минус) *идей* и *власти* в современной истории России. Выдвинута версия о том, что распад Советского Союза имел место из-за социально-политической аритмии (неадекватное целеполагание; конфликтное национальное самоопределение; реформаторский популизм; накопленная слабость государства, *подрыв вертикали власти*). Последний фактор недостаточно изучен в общественной литературе, между тем он является, на наш взгляд, катастрофическим для судьбы Советского Союза и связан с а) предоставлением директорам государственных предприятий избыточных полномочий и б) реорганизацией, а то и ликвидацией общесоюзных министерств. Введен в научный оборот и аргументирован концепт «либеральный этатизм» для обобщения экономической политики президента России с начала XIX века.

В статье прослежено влияние кризиса глобализации (с 2009 г.) на метаморфозы базовых понятий в политологии (конфронтационная конкуренция, инклюзивность экономики, отход от взаимозависимости к самодостаточности). Россия выходила из санкций, кризисов, потрясений, опираясь на потенциал стрессоустойчивости либерального этатизма, государственно-частного партнёрства. Названы уроки неординарного опыта России: прагматичность подхода к соотношению силы государства и силы рынка, способность к мобилизации и восстановительному росту, модернизации ОПК. Высказаны прогнозы относительно развития ситуации в мире после СВО России на Украине.

Ключевые слова: распад Советского Союза; государство; рынок; вертикаль власти; конфронтационная конкуренция; обустройство России; либеральный этатизм; турбулентность; глобализация; рыночно-мобилизационная экономика России

© Пештиев В. И., 2024

Для цитирования: Певтиев В. И. Турбулентное «Тридцатилетие» России (1989–2019): темы для размышлений // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). С. 41-53. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-41>. <https://elibrary.ru/USBQIH>.

Original article

Russia's turbulent “Thirty years” (1989-2019): food for thought

Vladimir I. Peftiev

Doctor of economics, professor, department of economic theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky
keu08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6356-7651>

Abstract. Russia of 1989-2019 is an *eye-opening* epoch which absorbed the tragedy of the Soviet Union's collapse, ambiguous socio-economic transformations and the revival of the *country's sovereignty*, the revival of civilization. This epoch is turbulent by all criteria and spheres for analysis (economy, politics, ideology, culture, mentality). The author's research focuses on identifying the reference points of interaction (with plus and minus signs) between *ideas and power* in modern Russian history. There is a hypothesis that the collapse of the Soviet Union took place due to socio-political arrhythmia (inadequate goal-setting; conflicting national identity; reformist populism; accumulated weakness of the state, *undermining the vertical power structure*). The latter factor has not been studied sufficiently in the public literature; meanwhile, it is, in the author's opinion, catastrophic for the judges of the Soviet Union and is connected with a) granting excessive powers to directors of state enterprises and b) reorganization and even liquidation of all-union ministries. The concept “liberal etatism” is introduced into scientific practice and substantiated to generalize the economic policy of the Russian president since the beginning of the XIX century. The article traces the impact of the globalization crisis (since 2009) on the metamorphosis of basic concepts in political science (confrontational competition, inclusiveness of economy, shift from interdependence to self-sufficiency). Russia emerged from sanctions, crises and shocks relying on the stress-resistant potential of liberal etatism and state-private partnership. The author names the lessons of Russia's extraordinary experience: pragmatic approach to the correlation between the power of the state and the power of the market, the ability to mobilize and recover its growth, and to modernize the military-industrial complex. Some forecasts are made regarding the situation in the world after Russia's military operation in Ukraine.

Key words: collapse of the Soviet Union; state; market; vertical power structure; confrontational competition; Russia's development; liberal etatism; turbulence; globalization; market-mobilization economy of Russia

For citation: Peftiev V. I. Russia's turbulent “Thirty years” (1989-2019): food for thought. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 2(20): 41-53. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-41>. <https://elibrary.ru/USBQIH>.

Введение

Перестройка мыслилась как обновление и ускорение социализма, торжество нового мышления. М. С. Горбачёв и его команда не ожидали трагических последствий своих экспериментов. Распад Советского Союза, ОВД и СЭВ. Эффект домино в экономике и Смута в обществе. Приближение НАТО к границам России. Российское общество проигнорировало предостережения опального пророка А. И. Солженицына (1990). Напомним его дальновидные прогнозы относительно обустройства России. Политические реформы не являются приоритетными. Народ не готов к всеобъемлющей демократии. Демократия сложна по своей природе, правам и обязанностям. Не нужно крушить институты *только* потому, что они рождены в советском обществе. Новая элита не готова к управлению страной. Партии плодят демагогов и популистов [Краснов, 2010]. Очередной урок истории не усвоен вовремя и надлежащим образом.

Пережитое «Тридцатилетие» (1989–2019) – это особая эпоха в российской истории. Турбулентная по всем критериям анализа (политика, экономика, идеология, культура, менталитет). Неоднородная по десятилетиям со своими надеждами и разочарованиями. С начала 20-х годов XXI века турбулентность стала на порядок сложнее (пандемия, рецессии, СВО России на Украине и др.).

Научная литература по «Тридцатилетию» России обширна и обладает информационным потенциалом (аналог Big Data à la Russie), требующим панорамного осмысления и интерпретации. Авторский поиск сосредоточен *на* выявлении опорных точек взаимодействия (со знаками плюс и минус) *идей* и *власти* в современной истории России. Полезно было бы освоить и наследие «Славного тридцатилетия» во Франции (1945–1975) [Ван дер Вее, 1994].

Подходы к заявленной теме обоснованы в философии истории. Сошлёмся на образное высказывание Гегеля по диалектике мирового духа (то есть идей): «Мировой дух лукав и терпелив; *лукав*, ибо через людей, преследующих свои цели, домогается цели собственной; *терпелив*, поскольку возложил на себя огромную работу мировой истории, придя в итоге к постижению себя» [Цит. по: Кожев, 2003, с. 760].

В изложении французского философа А. Кожева актуален и другой тезис Гегеля: «Власть имеется там, где есть движение, изменения, действия (хотя бы *как* возможность действия), поэтому всегда *активна*, а носитель власти с необходимостью является “деятелем”» [Цит. по: Акопов, 2010, с. 10].

И завершает триаду философских предпосылок статьи почти забытая мысль Дж. М. Кейнса: «Трудности создают не новые идеи, а освобождение от старых» [Цит. по: Певтиев, 2011, с. 79].

Почему распался Советский Союз?

Автор вторично возвращается к этой незаживающей ране общественного сознания. В монографии 2015 года высказана гипотеза о советском обществе эпохи Перестройки: общество с *социально-политической аритмией*. Названы основные факторы, ускорившие фиаско социалистического эксперимента: 1. неадекватное целеполагание; 2. конфликтное национальное самоопределение; 3. реформаторский популизм и завышенные ожидания [Пефтиев, 2015]. К сказанному ранее выдвигаем предположение о накопленной *слабости государства*, подрыве *вертикали власти*.

Эрозия доверия к советской власти созревала подспудно, по внутренним и внешним событиям, подтачивая монополизм КПСС и марксизма – ленинизма. Перестройка расшатала её (власть) разгулом *гласности*, десакрализацией её вождей (Сталин, Ленин, Маркс). Резкий диссонанс с взвешенной политикой Коммунистической партией Китая. Руководство Китая не дрогнуло и восстановило порядок на площади Тяньаньмэнь (июнь 1989 г.). Нация объединилась и добилась компромисса сторонников жёсткой линии и энтузиастов рынка под флагом концепции *«социализма с китайской спецификой»*. В столь щекотливой ситуации победили прагматизм и верность ценностям, здравый смысл: *«когда от-*

крываешь окна в комнате, неизбежно появляются мухи» [Буров, 2019, с. 15].

Советская система хозяйства (при всех её очевидных достижениях) не смогла свести до минимума неоднородность экономик и культур республик, краёв, областей («чересполосица»). Не удалось провести профессионально создание совнархозов (1957) и «косыгинскую реформу» (1965). Инициаторы Перестройки допустили в 1987 г. две новации институционального плана с катастрофическими последствиями. Первый неверный шаг – предоставление директорам государственных предприятий избыточных полномочий. Вторая ловушка для судеб СССР – реорганизация, а то и ликвидация общесоюзных министерств. Экономический базис страны лишился устойчивости, открыл дорогу к «теневой» приватизации, формированию кланов «олигархов» не только в банковском секторе («семибанкирщина»), но и в ключевых отраслях промышленности. Эхо этих поспешностей заглушало в зародыше здоровые очаги рыночной экономики на протяжении целого десятилетия («лихие» 90-е годы).

Рыночные блуждания эпохи первоначального накопления капитала ещё не единожды «спотыкались» на преграды (видимые и невидимые) из-за отсутствия или ненадлежащего состояния транспортной инфраструктуры, разобщённости регионов Российской Федерации. И лишь разработка системы

национальных проектов (2018) знаменовала собой появление Третьей матрицы стратегического управления после *развёрстки* (пятiletки СССР) и целевых *таргетов* (индикативное планирование и контрольные цифры). К перечню существующих национальных проектов (НП) добавлены ещё 5 с продлением срока действия до 2030 г. (Из Послания президента ФС РФ 29 февраля 2024 г.).

«Ушибленность пространством» (Ф. М. Достоевский) – родовая травма российской истории. Она отдавала острой болью в ходе СВО России на Украине. В ответ на санкции Запада и с учётом критической зависимости от транзитных стран Россия ориентируется в освоении своей территории на межгосударственные транспортные коридоры (СМП, Север – Юг, Восточный полигон, Причерноморье), то есть выходы к морям и океанам. Россия может и должна стать крупной морской державой. В этом гарантия её суверенитета, отражения экзистенциальных угроз. Видимо, прорыв в инвестициях на объекты бассейнов рек и озёр России переносится на следующие десятилетия [Лузянин, 2023].

Как обустроить Россию (современная версия)?

Рыночная экономика – самая динамичная и вместе с тем самая противоречивая система хозяйства в мировой истории. Российский опыт перехода от плана к рынку призы-

вает незамедлительно избавляться от заблуждений, иллюзий, мифов относительно конкуренции, сравнительных преимуществ рынка. Конкуренция – это а) жёсткий инструмент деятельности («оружие массового поражения»); б) всегда были, есть и будут выигравшие и проигравшие; в) избыточные издержки конкуренции (транзакционные и трансформационные). «Провалы» рынка (а таковые многочисленны) должны ликвидироваться регуляторными действиями государства, избегая собственных «провалов» (из-за произвола и ошибок бюрократии). Обе общественные силы (рынок и государство) должны взаимно обеспечивать динамическое равновесие.

«Тридцатилетие» в России совпало по времени с утверждением глобализации и её первым системным кризисом (с 2009 г.). Отсюда и многовекторность метаморфоз базовых понятий в политэкономии (теоретической экономии), что должно учитываться в стратегии и тактике социально-экономического развития России на ближайшие годы и перспективу. Обозначим некоторые из них. Конкуренция глобальная, с привилегиями для транснациональных корпораций. Она опирается на экстерриториальные санкции США, ЕС и НАТО, сочетающие страх и месть за суверенную позицию России, незападных цивилизаций. Глобализация выбирает не столько потребительные свойства конкретного и ком-

пенсации затрат производителя с прибылью, сколько ценность товара, рынка и рыночных отношений с точки зрения *экономики времени* для нации, макрорегиона, человечества. К *ценностному* подходу подталкивает и перепроизводство благ (прямой и косвенный эффект глобализации). Возросла зависимость стран от товаров с ресурсной и социальной значимостью (энергоносители, продовольствие и удобрения, микроэлектроника, транспортные средства и др.). Намечается размежевание между *конфронтационной конкуренцией* (практика Запада) и здоровой конкуренцией с дружественными России странами). Рыночная экономика мало – помалу приобретает свойства *инклюзивности* (экология, социальная ответственность бизнеса), то есть избавляется от беспредельного эгоизма. Санкции подрывают доверие к священным постулатам (защита собственности, исполнение контрактов). Хаос в маршрутах поставок и сбои в логистике сметают соображения взаимозависимости (примета глобализации) и толкают к *самодостаточности* по ресурсам и технологиям (новые слагаемые экономического развития). В этой связи не работает концепция сравнительных преимуществ во внешней торговле Д. Рикардо (начало XIX в.) даже с поправкой М. Портера (США). Таков внешний контекст для обустройства России на второй фазе её модернизации, с переплетением *старых и новых идей*.

К 40-летию рыночных преобразований в России (библейская магия числа) растерян былой накал страстей вокруг Перестройки (с 1985 г.). Сник рыночный романтизм и угасло неприятие свершившегося оппонентами. Социологические опросы констатировали примерное равенство защитников стабильности и сторонников перемен. Волна Смуты в головах в общем и целом нейтрализована. Второе издание Смуты из-за СВО в меньших масштабах и по понятной мотивации (уклонение от частичной мобилизации, спасение недвижимости и активов за рубежом). Но тональность чрезвычайного положения сохраняется, включая рыночно-мобилизационную модель экономики [Пефтиев, 2022; Звоновский, 2022].

Власть всегда персонифицирована. Такова традиция, заложенная патриархом политологии Н. Макиавелли (1469–1527) [Исаев, 2024]. Особый статус Президента России уточнён конституционными поправками 2020 г. Лидер страны обязан обладать знанием средств для исторических достижений. Он воплощает в своей личности и действиях единство нации. Ему доверены государственные секреты; он уполномочен инициировать законы и не превышать свои прерогативы (своеобразные «красные линии»).

Приметы Смуты убывают, но сохраняются разногласия относительно настоящего и будущего России. Ибо модернизация страны далека от завершения. Как обустроить Россию сегодня и завтра? Ответ-

ты разнообразные из-за:
а) сложности выбора приоритетов;
б) коллизии (конфликта) интересов власти, её партнёров и критиков;
в) динамизма конъюнктуры в стране и за рубежом.

Реакции на итоги «Тридцатилетия» систематизируем трояко:
а) политизированные, с изрядной долей скепсиса, а то и пессимизма;
б) благие пожелания, без привязки к ресурсам и очередности; в) альтернативные, подлежащие обсуждению в экспертном сообществе и с рекомендацией на включение в правительственные проекты и программы. В узких рамках статьи сошлёмся лишь на один отзыв. Л. Григорьев (НИУ ВШЭ) сомневается в способности Китая, Индии и России преодолеть лидерство США по высоким технологиям и соответственно доминирование доллара (матрица Бреттон-Вудса). И что касается России, то скепсис обосновывается так: она воюет за политический суверенитет, не добившись *предварительно* суверенитета экономического и научно-технического, не ликвидировав компрадорский характер экономической системы, не ослабив зависимость бюджета и экспорта от доллара. Россия утратила к тому же и былые стадийные завоевания [Григорьев, 2023]. Позиция спорная и по констатациям, и, главное, по алгоритму эволюции (сначала экономический базис, а затем остальное). Автор отдаёт приоритет политическому суверенитету, условию

входа (разворота) к реальной и ускоренной модернизации страны (*Независимая газета*. 2024. № 44–45. с. 1, 3).

И последний штрих к рубрике – сравнительный итог экономических реформ в Центральной и Восточной Европе за 25 лет, от роспуска СЭВ и ОВД (1989). Воспользуемся выводами авторов на страницах журнала «Неприкосновенный запас» [Восточноевропейские реформы ... , 2014, с. 21–60].

Польша. В наиболее прибыльных секторах экономики доминируют западные компании. Ни одна польская фирма так и не смогла трансформироваться в истинно международную корпорацию. В распоряжении поляков остался в основном малый и средний бизнес. Интеллигенция Польши живёт в сравнительном благополучии, не становясь ради этого бизнесменами [Восточноевропейские реформы ... , 2014, с. 26–27].

Венгрия. Из известного по всей Европе сельскохозяйственного производителя превратилась в сборочный цех западных компаний. Практически развенчана либеральная идея. Виктор *Орбан*, премьер Венгрии – долгожитель в политике. В прошлом убеждённый либерал стал символом национального консерватизма [Восточноевропейские реформы ... , 2014, с. 33, 35–36].

Румыния. Экономический транзит завершился кончиной индустриального государства. Рядовой житель Румынии оказался в условиях «дикого

го капитализма». Политические партии – искусственные конструкции вокруг некой сиюминутной общей задачи [Восточноевропейские реформы ... , 2014, с. 52, 54, 57].

Картина получается мозаичной, но экономический суверенитет не достигнут, а возможно, эта задача и не выдвигалась. Из руководителей ЦВЕ лишь Виктор *Орбан* умеет и хочет защищать национальные интересы. С ним солидарен и Роберт *Фицо* (Словакия). Бывший президент Чехии Вацлав *Клаус* (2003–2013) в своём выступлении на сессии Давоса (15 января 2024 г.) высказал неприятную истину: война на Украине началась 4 апреля 2008 г. В тот день на саммите НАТО в Бухаресте было принято решение о приёме Украины и Грузии в военный союз Запада. Тем самым совершена стратегическая ошибка при безответственном молчании Франции и ФРГ [Клаус, 2024].

Институциональная новация России: либеральный этатизм

Государство и его функции – дежурный и дискуссионный сюжет во все времена и у всех народов. Государство – сила огромная, без берегов в чрезвычайных ситуациях, опирающаяся на легитимное насилие (принуждение): армия, полиция, тюрьмы, чиновники. Без государства как регулятора немислимо нормальное функционирование экономики, разрешение конфликта интересов бизнеса, его партнёров и населения. Избыточные полномочия государства порождают необ-

ходимость в «регуляторной гильотине» (отмена устаревших законов, нормативных актов). Персонафикация государства во власти через Конституцию и судебные инстанции подталкивает ответственных за те или иные решения к соблюдению дозволенных границ, иначе произвол вплоть до террора к гражданам и геноцида собственных народов. Но противопозан и нигилизм к государству и его органам, должностным лицам [Laboulaye, 1871]. Непререкаемая истина и для XXI века.

Постсоветское общество, переходное по определению (то есть становящееся) испытало многократно «эффект потряхивания» по составу претендентов во власть, их начальных и финальных позиций. Вспомним двоевластие президента Б. Н. Ельцина и Верховного Совета (Р. Хасбулатов и др.), дело «ЮКОСа» и Ходорковского, стычки с полицией на площадях и улицах Москвы и других городов России. К началу «нулевых» годов со своими правами на принятие судьбоносных решений будоражили власть и общественное мнение: а) «силовики»; б) «олигархи» (собственники и менеджеры российских ТНК); в) организации бизнеса (от крупного до малого); г) мэры городов-миллионников (Ю. Лужков); д) лидеры правящей партии и оппозиции («Наш Дом Россия», позднее «Единая Россия» и КПРФ). После мирового кризиса 2008–2009 гг. удалось неимовер-

ными усилиями президента *В. Путина* достичь относительного умиротворения в стране.

Конструкция «либеральный этатизм» (от фр. *etat* – государство) правовая, политико-экономическая, просветительская. Её базовые скрепы нижеследующие:

1. Сеть консультационно-рекомендательных органов государственной власти. Особо выделены сессии Гос. совета (современная версия предшественника из истории Российской империи).

2. Ежегодные и рабочие встречи президента Путина с российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП).

3. Ежегодные послания президента РФ Федеральному собранию страны.

4. Регулярные встречи с гражданами России, ответы на их злободневные вопросы.

В концептуальном плане либеральный этатизм – это а) российская модель «сдержек и противовесов»; б) государственно-частное партнёрство (ГЧП); в) просвещённый авторитаризм, адаптированный к эпохе войн, конфронтации, санкций, «холодной войны» и СВО; г) переутверждение суверенитета в контексте межгосударственных альянсов. Главное в этой конструкции – это ограничение безбрежности государства свободой предпринимательской деятельности, суверенитетом личности. Она не сводится к узким рамкам подхода – доли и сферы присутствия государ-

ства в экономике [Пейтнев, 2013]. Иными словами, либеральный этатизм – это долговременный, компромиссно-конфликтный альянс разновеликих партнёров – оппонентов во имя общей цели – обустройства России, её величия и процветания.

Свершений немало, но есть и отложенные задачи, то есть нерешённые по объективным и субъективным обстоятельствам. К ним относим три с временным лагом до 2030 г.: 1) Легитимация спорных актов приватизации 90-х г., включая и скандальные эпизоды. Задача запутанная, разъединяющая федеральные власти и виновников правонарушений тогдашних лет. 2) Ревизия Налогового кодекса с устранением нестыковок, погрешностей, излишеств фискальной политики государства во вред бизнесу и населению. 3) Возврат «замороженных» активов России, компаний и предпринимателей в юрисдикцию России [Войников, 2022].

Либеральный этатизм рождался в острых дискуссиях и на поле боя (Кавказ, Приднестровье, Донбасс). В конце концов России удалось купировать терроризм, экстремизм, другие патологии ложно понятого патриотизма. Потеря эстафеты поколений вытекает из драмы патриотизма, лестницы философа *В. С. Соловьёва* (1853–1900): похвальное чувство – самодовольство – самообожание – самоуничтожение [Янов, 2009]. По этому скользкому и опасному пути дви-

жется Украина. Избежала Россия и «феодализации» регионов: эмоциональный от отчаяния лозунг Б. Н. Ельцина «берите суверенитета, сколько сможете». Потенциал либерального этатизма неисчерпаем.

Заключение

Агония Советского Союза начинается с падения Берлинской стены, роспуска СЭВ и ОВД. Шаги опрометчивые, поспешные, импульсивные. Избежать распада Союза не удалось. Тридцатилетие завершается президентскими выборами 2018 года, запуском национальных проектов, трясинной переговоров по Донбассу (Минск-2). Великое множество событий подтверждают турбулентность этой эпохи. Хаотичная приватизация. Гиперинфляция. Деноминация российского рубля и обвал его валютного курса. Перелом в схватке с вооружённым сепаратизмом на Северном Кавказе. Двоевластие в Москве и новая конституция в России. Надежды и разочарования. Крым в составе России. Пандемия коронавируса приостановила движение России к модернизации, восстановлению державности, повышению благосостояния.

Какие выводы и уроки можно извлечь из неординарного опыта России, её руководства, бизнеса, населения?

Выводы. *Первый.* Плотность и частота кризисов, санкций, потрясений закалила устойчивость российского общества. Феномен уникальный во всемирной истории. *Второй.*

Российские «качели» (подъёмы и спады, относительный покой и взрывные перемены) подтвердили способность России к *мобилизации* и *восстановительному росту*. Достижение докризисных параметров сопровождалось и структурно-институциональной *трансформацией* отдельных звеньев национальной экономики (даже при низких темпах динамики ВВП). *Третий.* Восстановление ОПК России (инвентаризация советского наследия с 2005 г.) – стратегически верное решение, надёжная опора для последующей модернизации экономики через передачу высоких технологий в отрасли гражданского и двойного назначения. *Четвёртый.* Территориальная экспансия России (Крым, Донбасс, Новороссия) оправдана высшими интересами, на поколения. История на стороне России.

Уроки. Дискуссия на тему «Государство или рынок. Кто важнее?» – надуманная и бесплодная. Проблема не доктринальная, а сугубо *прагматическая*, ситуативная, подвижная. К сожалению, диалог власти и бизнеса возник запоздало, после провала замысла «олигархов» управлять Россией. Механизм государственно-частного партнёрства (ГЧП) ещё не отработан должным образом и не единожды даёт сбои, дисфункции, перекосы. Органическая слабость демократии в России вытекает из-за её младенческого возраста. С одной стороны, власть ещё чурается от перманентного общения с обществом и не владеет

искусством компромиссов, а оппозиция (системная и маргинальная) не располагает советниками, экспертами, учёными для разработки *конструктивных альтернатив* – с другой. Государственный аппарат, наука, культура России, другие звенья власти не выдерживают испытания на зрелость в условиях конфронтации с Западом, НАТО и повышенных рисков невиданных ранее нововведений. В повестке дня – смена элиты, компетентные кадры.

Война изменяет *всё*. Древнегреческое изречение применимо и ак-

туально к СВО России на Украине. Новый феномен в геополитике – Февральская революция 2022 года и её особенности. Россия имеет шанс наблюдать *эрозию* Евросоюза, его неконкурентоспособность по сравнению с Востоком и Югом (Не-Запад) [Тимофеев, 2023]. Ожидаем растущего влияния России в Большой *Евразии*. В ближайшие годы Россия, на наш взгляд, притормозит вовлечённость в международные конфликты, но реактивирует свои посреднические инициативы за рубежом.

Библиографический список

1. Акопов М. Политический процесс в современной России: реальная политика или PR-технологии // *Власть*. 2010. № 12. С. 10-13.
2. Бузов В. Г. Китаизированный марксизм – теоретическая основа деятельности компартии Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12. С. 9–21.
3. Ван дер Вее Г. История мировой экономики (1945–1990) / пер. с фр. Москва : Наука, 1994. 413 с.
4. Войников В. А. Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом // *Совр. Европа*. 2022. № 6. С. 5–17.
5. Восточноевропейские реформы: проблематичность транзита // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 5. С. 21–60.
6. Григорьев Л. Недооценивать Запад рано // *Экономист*. 2023. № 12. С. 78–80.
7. Звоновский В. Б. Власть политического нарратива и отношение россиян к СВО / В. Б. Звоновский, А. В. Ходынкин // *Социс*. 2022. № 11. С. 38–53.
8. Исаев И. А. Суверен и его чрезвычайное положение: макиавеллистская трактовка образа // *История государства и права*. 2024. № 2. С. 2–8.
9. Клаус В. Давосские заметки об украинской войне // *Экономист*. 2024. № 1. С. 46–47.
10. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 760 с.
11. Краснов М. А. Солженицынская парадигма государственного строительства или Двадцать лет спустя // *Общ. науки и совр.* 2010. № 4. С. 37–49.
12. Лузянин С. Г. Международный транспортный коридор «Север–Юг» / С. Г. Лузянин, Н. К. Семёнова // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 5–14.
13. Пефтиев В. И. Либеральный этатизм в России: контуры феномена // *Ярославский педагогический вестник*. Т. 1. (Гуманитарные науки). 2013. № 3. С. 68–72.
14. Пефтиев В. И. Реформы, экономическая мысль и общество второй половины XX века: институциональные аспекты. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 178 с.

15. Певтиев В. И. Рецессия и геополитика: проблемное поле политэкономии : монография / В. И. Певтиев, Л. А. Титова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 167 с.
16. Певтиев В. И. Экономист-гуманитарий в интеллектуальном пространстве России: Ярославль : РИО ЯГПУ, 2011. 193 с.
17. Тимофеев П. П. Европа в тисках внешнеполитических стратегий / П. П. Тимофеев, Е. М. Харитонова, М. В. Хорольская // Совр. Европа. 2023. № 7. С. 35–48.
18. Янов А. Драма патриотизма в России. Москва : Нов. хронограф, 2009. С. 23.
19. Laboulaye E. L' Etat et ses limites. Paris. 1871. 391 p.

Reference list

1. Akopov M. Politicheskij process v sovremennoj Rossii: real'naja politika ili PR-tehnologii = Political process in modern Russia: real politics or PR-technologies // Vlast'. 2010. № 12. S. 10-13.
2. Burov V. G. Kitaizirovannyj marksizm – teoreticheskaja osnova dejatel'nosti kompartii Kitaja = Chinese Marxism is a theoretical basis for the work of the Communist Party of China // Azija i Afrika segodnja. 2019. № 12. S. 9–21.
3. Van der Vee G. Istorija mirovoj jekonomiki (1945–1990) = History of the world economy (1945–1990) / per. s fr. Moskva : Nauka, 1994. 413 s.
4. Vojnikov V. A. Antirossijskie sankcii (ogranichitel'nye mery) ES: sootnoshenie s mezhdunarodnym pravom = EU anti-Russian sanctions (restrictive measures): correlation with international law // Sovr. Evropa. 2022. № 6. S. 5–17.
5. Vostochnoevropskie reformy: problematichnost' tranzita = Eastern European reforms: problematic nature of transition // Neprikosnovennyj zapas. 2014. № 5. S. 21–60.
6. Grigor'ev L. Nedoocenivat' Zapad rano = It's too early to underestimate the West // Jekonomist. 2023. № 12. S. 78–80.
7. Zvonovskij V. B. Vlast' politicheskogo narrativa i otnoshenie rossijan k SVO = The power of political narrative and the Russians' attitudes to the SMO / V. B. Zvonovskij, A. V. Hodynkina // Socis. 2022. № 11. S. 38–53.
8. Isaev I. A. Suveren i ego chrezvychajnoe polozhenie: makiavellistskaja traktovka obraza = The sovereign and his unique position: a Machiavellian interpretation of the image // Istorija gosudarstva i prava. 2024. № 2. S. 2–8.
9. Klaus V. Davoskie zametki ob ukrajskoj vojne = Davos notes on the Ukrainian war // Jekonomist. 2024. № 1. S. 46–47.
10. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelja = Introduction to reading Hegel. Sankt-Peterburg : Nauka, 2003. 760 s.
11. Krasnov M. A. Solzhenicynskaja paradigma gosudarstvennogo stroitel'stva ili Dvadcat' let spustja = Solzhenitsyn's paradigm of state-building or Twenty years later // Obshh. nauki i sovr. 2010. № 4. S. 37–49.
12. Luzjanin S. G. Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever–Jug» = North-South international transport corridor / S. G. Luzjanin, N. K. Semjonova // Azija i Afrika segodnja. 2023. № 12. S. 5–14.
13. Pevtiev V. I. Liberal'nyj jetatizm v Rossii: kontury fenomena = Liberal etatism in Russia: outlining the phenomenon // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. T. 1. (Gumanitarnye nauki). 2013. № 3. S. 68–72.

14. Peftiev V. I. Reformy, jekonomicheskaja mysl' i obshhestvo vtoroj poloviny XX veka: institucional'nye aspekty = Reforms, economic thought and the society of the second half of the XX century: institutional aspects. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 178 s.

15. Peftiev V. I. Recessija i geopolitika: problemnoe pole politjekonomii = Recession and geopolitics: the problem field of political economy : monografija / V. I. Peftiev, L. A. Titova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 167 s.

16. Peftiev V. I. Jekonomist-gumanitarij v intellektual'nom prostranstve Rossii = A humanitarian economist in Russia's intellectual space. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2011. 193 s.

17. Timofeev P. P. Evropa v tiskah vneshnepoliticheskikh strategij = Europe trapped in foreign policy strategies / P. P. Timofeev, E. M. Haritonova, M. V. Horol'skaja // Sovr. Evropa. 2023. № 7. S. 35–48.

18. Janov A. Drama patriotizma v Rossii = Drama of patriotism in Russia. Moskva : Nov. hronograf, 2009. S. 23.

19. Laboulaye E. L' Etat et ses limites. Paris. 1871. 391 p.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted on 19.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication on 20.05.2024